

Е. А. АКУЛОВА

САТИРА А. С. ПУШКИНА НА ВОРОНЦОВА

В круг шуточных поэм, колких эпиграмм, гневных и насмешливо-злых посланий А. С. Пушкина входят и те произведения, в которых поэт осмеивает гр. М. С. Воронцова. Они образуют цикл, состоящий из нескольких эпиграмм, двух стихотворений («Не знаю где, но не у нас», «Сказали раз царю») и прозаического наброска («Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина»), известного в науке под заглавием «Воображаемый разговор с Александром I». Сатира на графа Воронцова — не только эпизод в личной биографии поэта, но и явление литературно-политической жизни первой четверти XIX века.

Установить связи этих сатирических произведений Пушкина с традициями русской поэзии, определить некоторые положения эстетики сатиры поэта и увидеть их воплощение в его памфлетах на Воронцова — таковы задачи нашей статьи.

Стихи и проза Пушкина, связанные с именем Воронцова и дошедшие до нас в многочисленных вариантах, рассматривались самим поэтом как истинно художественные произведения, над отделкой которых он так же упорно трудился, как и над другими своими шедеврами.

Памфлеты Пушкина на Воронцова — вид сатиры, имеющий прочную традицию в русском искусстве слова: некоторые народные песни, сочинения протопопа Аввакума, сатиры Кантемира и комедии Сумарокова позволяют говорить о сатире «на лицо».

Большое значения для ее развития имела полемика

Н. И. Новикова с Екатериной II. В этом споре сатира выступала как литературно-политическое явление. Издатель «Трутня» защищал право писателя клеймить сатирой лица, невзирая на их чины, звания, высокое общественное положение, если эти лица были виновны в общественном неустойстве.

Чем сильнее было политическое звучание сатиры «на лицо», тем суровее была борьба с ней, и тогда эта сатира, презрев цензуру, уходила в подполье, распространялась по рукам в списках.

В последнюю четверть XVIII века, когда фаворитизм при дворе Екатерины II достиг своего наивысшего развития, когда усилилось беззаконие бюрократии, особенно пышно расцвела анонимная бесцензурная сатирическая поэзия. С легкой руки Новикова смеялись над царицей и ее фаворитами — Потемкиным, Зубовым и др.

«Высокое» лицо в этой нелегальной сатире снижалось, сопоставлялось с людьми незаметными, изображалось морально и интеллектуально неполноценным, показывалось в своих незаконных отношениях к окружающим, а иногда и ко всему народу. В рукописных сборниках XVIII века сохранилось двестише, «Эпитафия», которая, как предполагают, относилась к Потемкину:

Прохожий! Помоли всевышнего творца,
Что сей не разорил России до конца.¹

Острота анонимной сатиры достигалась также употреблением собственных имен высоких лиц, обозначением их титулов и чинов, использованием просторечной, бранной, а иногда и нецензурной лексики. Сатирические подпольные стихи было принято распевать «на голос» какой-нибудь популярной песни, что содействовало более широкому их распространению.

Эти эстетические принципы сатиры просвечивают в анонимных стихах поэтов XIX века, в басне Д. Давыдова «Орлица, турухтан и тетерев», в сатирах С. Марина и в произведениях других авторов. Памфлеты Пушкина на Воронцова связаны с традициями этой бесцензурной поэзии.

Пушкин и его друзья-лицейсты хорошо знали подпольную сатиру. Из «Городка» известно, что поэт прятал «потаенну сафьянную тетрадь», в которой были записаны произведения, разгуливающие по свету без разрешения цензора. Булгарин доносил в III отделение о том, что в лицее находится «...архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам».² Ли-

¹ Г. Гуковский и В. Орлов. Подпольная поэзия 1770—1800 годов. — «Литературное наследство», № 9—10, 1933, стр. 20.

² «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. 1826—1830». «Белое», 1918, № 1, стр. 20.

дейские поэты в духе традиции этой сатиры делали примечания и к своим песням, и они распевались «на голос». ¹

В лицее и появился у Пушкина интерес к сатире. Вольнолюбивая жизнь этого учебного заведения, гражданский пафос преподавания пробуждали высокие чувства в лицеистах, формировали их критическое отношение к окружающей действительности. Лицей воспитывал в юношах чувство языка, любовь к искусству слова: им читались курсы словесности, эстетики, красноречия, они постоянно импровизировали, писали, издавали рукописные журналы.

Под влиянием самой действительности Пушкин усвоил в лицейские годы одно из главных положений эстетики сатиры — ее связь с жизнью. В коллективных сатирических песнях лицеисты осмеивали многие явления своего быта; а за стенами их закрытого учебного заведения также процветала сатира, которая была связана с борьбой между «Беседой любителей русского слова» и поэтами-карамзинистами.

Лицейские наставники помогли Пушкину более глубоко понять отношение сатиры к действительности. Преподавание в лицее российской и латинской словесности вел Н. Ф. Кошанский, приверженец классицизма, эстетические законы которого не допускали широкой ориентации на полное изображение жизни в искусстве и лишь сатире разрешали близко соприкоснуться с «низким» реальным миром. Это очень важное положение развивалось в учебном пособии Кошанского² и в многотомном труде Лагарпа, хорошо известном лицеистам. Творчество Ювенала, Петрония трактовалось этими авторами как отражение нравов римского общества.

В этом же направлении развивались и некоторые темы в курсе «Введение в эстетику», который читал помощник Кошанского — П. Е. Георгиевский. Цикл этих лекций не отличался теоретической однородностью: в них законы классицизма сочетались с некоторыми положениями новых эстетических учений; по своему пафосу курс «Введение в эстетику» рассматривается нашим литературоведением как «просветительский». ³

Георгиевский развивал на своих занятиях идеи о высоком назначении поэта, о необходимости знать не только искусство античности, но и природу, и человека, и «природный язык». Объясняя своим ученикам, что «смешное находится в связи с истинным»,⁴ Георгиевский признавал «смешное» «зерцалом»

¹ К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 229.

² Н. Ф. Кошанский. Ручная книга древней словесности, т. I. СПб., 1816.

³ Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958, стр. 111.

⁴ Лицейские лекции. Публикация Б. С. Мейлаха. — «Красный Архив», 1937, № 1, стр. 205.

истинного и сближался в понимании этого вопроса с теоретиками классицизма. Известно, что Буало рассматривал сатиру как зеркало общественных пороков, это положение принимали и русские писатели — Кантемир, Сумароков, Капнист.

Результаты лицейского воспитания сказались в том, что Пушкин в одном из ранних своих произведений уже сумел оценить «знание света» кн. Горчаковым, автором многих сатир («Городок»).

Юный Пушкин рано усвоил еще одно положение эстетики: сатира — оружие в борьбе. Даже в маленьком лицейском мире она выступала как «домашняя расправа». Куплеты «национальных» песен распевались лицеистами чуть ли не в лицо нелюбимым преподавателям. Пушкин-лицеист дал целый ряд поэтических формул для определения действенной силы сатиры: она «бич», куплет в ней «острый», стих «колкий», «кровавый», он должен «разить», «мучить».

И, наконец, Пушкин-лицеист обогатил себя идеей признания сатиры как искусства слова. Продолжая традиции русской эстетической мысли XVIII века, Георгиевский внушал своим воспитанникам, что сатира должна иметь поэтическое достоинство, она отличается от насмешки и пасквилля. Юношей убеждали, что сатира «...не бывает, подобно пасквилю, устремлена на лицо, но если хочет сделаться благородною, должна быть общею и разве только в таком случае касаться лица, когда сие представляет какую-нибудь всеобщую глупость».¹

В ходе развития своих мыслей Георгиевский неоднократно говорил об «остроумии», которое может стать «мечом» и оказать величайшую услугу человечеству, может быть «язвительным», как у Ювенала, или «веселым», как у Горация.² «Остроумие» в такой интерпретации Георгиевского должно было восприниматься его слушателями как индивидуальный дар писателей, по-разному расценивающих смешное в жизни.

Эстетическая мысль Пушкина, направленная его наставниками, сверкала в его характеристиках смеха известных ему писателей. Он создавал в эти годы идеал сатирика, основываясь на своих представлениях о Ювенале, Вольтере, Фонвизине, Державине, Крылове. По Пушкину, сатирик не только гражданин, каратель общественных пороков, но и художник, обладающий искусством смешить: Фонвизин — «известный русский весельчак» («Тень Фонвизина»), Крылов — «шутник бесценный» («Городок»).

Теоретические ценности, усвоенные в лицее Пушкиным и

¹ Лицейские лекции. Публикация Б. С. Мейлаха. — «Красный Архив», 1937, № 1, стр. 206.

² Там же, стр. 205.

его друзьями, воплощались ими в творческие опыты, в создании которых большую роль играло и литературное наследство русских писателей XVIII века. Издатели лицейских журналов, подражая Новикову, культивировали такие жанры сатиры, как обращение к читателям, письма, объявления, придавали своим произведениям восточный колорит, свойственный манере журналиста Крылова, принимали традиции Державина-сатирика. Так, одно из лицейских стихотворений «Ослом Пустова называли» — по сочетанию мотивов богатства и глупости напоминает социально острые стихи из сатиры Державина «Вельможа». У Пушкина и лицейстов был ярко выражен интерес к ирои-комическим произведениям, это отразилось не только в признаниях Пушкина:

Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал,¹

но и в создании лицейскими поэтами ирои-комической поэмы «Сазоновиада» и в широком использовании ими принципа сочетания высокой и низкой лексики, идущего от поэтики бурлеска.

Лицейсты, на вес золота ценившие острое слово, в своих сатириках хотели видеть прежде всего остроловов. Пушкин назвал в духе лицейской фразеологии «Орлеанскую девственницу» Вольтера «Катехизисом остроумия» («Бова»), но сам поэт любил в сатире не только острое слово, но и «слога чистоту» («Городок»).

Признавая, что сатирический смех может иметь различный характер, Пушкин делил сатиру на виды: «шутливую» («К Жуковскому») и «гремящую» («К Личинию»), «грозную» (Письмо к В. Л. Пушкину от 28 декабря 1816 г.). Он любил говорить, что сатира — «свисток» («К Батюшкову»), «Свистки сатириков молчат» («К молодой актрисе»). Пушкинское признание, что он «подсвистывал» Александру до гроба (XIII, 258), дает возможность видеть в «свистящей» сатире поэта сатиру политического характера.

Участие Пушкина-лицейста в создании коллективной сатиры, его индивидуальные опыты по созданию эпиграмм на товарищей, преподавателей-воспитателей надо рассматривать как подступы к овладению мастерством сатирического портрета.

Пушкинская сатира лицейских лет очень разнообразна по жанровым и идейно-стилистическим особенностям. Мы привлекаем в круг своего внимания здесь лишь сатиру на высокие лица. В духе традиций подпольной поэзии Пушкин напи-

¹ А. С. Пушкин. Собр. сочинений, т. VI. М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, стр. 619. В дальнейшем все цитаты из произведений Пушкина приведены по этому изданию с указанием номера тома и страницы в тексте.

сал в лице эпиграмму на царя «Двум Александрам Павловичам», осмеивающую Александра I, его бездарность как полководца. Она положила начало политической сатире «на лицо» в творчестве гениального юноши и может рассматриваться как ранняя предтеча его сатир на Воронцова.

Годы, отделяющие время окончания Пушкиным лицея до начала работы поэта над сатирой на Воронцова, отмечены оживлением политической мысли в России, активной деятельностью тайных декабристских организаций, борьбой за развитие не только высокой героической литературы, но и сатиры, которая обнажала социальное зло, способствуя быстрому росту общественного сознания людей. Это было время, когда славились политические сатиры Вяземского, близкого в ту пору к декабристам, когда в рукописях распространялась комедия Грибоедова «Горе от ума»

В период становления революционно-романтической эстетики декабристам был близок и классицизм в его прогрессивных течениях. В традициях «гражданского» классицизма написана Рылеевым инвектива «К временщику», примыкающая по своим стилевым особенностям к «грозной», «гремящей», по пушкинской терминологии, сатире. Анонимные сатирические стихи, сатирические песни Рылеева и Бестужева, созданные в агитационных целях, ходили в это же время по рукам.

Сам термин — «сатира на лицо» — был жив в эту эпоху. А. Е. Измайлов писал о ком-то из поэтов:

Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все! Нет, я пишу на рожи.¹

Огонь сатиры передовых поэтов был направлен на Александра I, Аракчеева, цесаревича Константина Павловича и др.

В этих благоприятных условиях зрела политическая мысль поэта, и его сатира развивалась в русле прогрессивной декабристской литературы. Пушкин этой поры для своих современников не только вольнолюбивый поэт, но и сатирик, а его стихи расценивались как политическое эхо. Вяземский был уверен, что Пушкин на бесчинства в обществе должен «крикнуть эпиграмму».² Пушкин отчетливо определял свои литературные позиции сатирика и признавался, что музы его и Вяземского — «родные сестры», друзья поэтов готовы были признать их соперничество в области сатиры.³

¹ Русская эпиграмма (XVIII—XIX в.). Л., «Советский писатель», 1958, стр. 83.

² Письмо Вяземского к А. И. Тургеневу. Остафьевский архив кн. Вяземских, т. I. СПб., 1899—1908, стр. 130.

³ Там же, стр. 304.

Пушкин в петербургский период своей жизни успешно писал сатирические портреты Александра I, Аракчеева, Стурдзы, читал свои нозли декабристам; ему, как известно, приписывались наиболее политически острые эпиграммы, распространявшиеся в то время без имени автора. За «возмутительные» стихи, в число которых входила и ода «Вольность», поэта выслали из столицы на юг. Здесь, в Одессе, в 1823 году и произошла встреча Пушкина с графом М. С. Воронцовым.

Воронцов принадлежал к древнему дворянскому роду, который ведет свое начало в России с 1287 г.¹ Предки вельможи играли заметную роль в жизни России; в XVIII веке они получили графское звание, занимали высокие посты, покровительствовали поэтам и писателям. Гр. М. И. Воронцов воздвигнул памятник из каррарского мрамора на могиле Ломоносова; благодаря вмешательству вельможи А. Р. Воронцова были сняты кандалы с Радищева, отправленного по этапу в Сибирь.

Отец М. С. Воронцова был полномочным послом в Англии, отличался «...независимостью убеждений: он резко выступал против раздела Польши и откровенно пренебрегал фаворитом Zubовым».²

Сын посла получил «...многостороннее и тщательное воспитание, сроднившее его по взглядам и привычкам с либеральными формами просвещенной Англии».³ М. С. Воронцов и в свои зрелые годы любил перечитывать в подлинниках Тита Ливия, Тацита, Горация, Вергилия.⁴ По воспоминаниям своих современников, граф внешнеюстью напоминал английского пэра.

Богатый, знатный, блестяще образованный, Воронцов к 20-м годам XIX века был известен как видный военный деятель, участник войны 1812 года. Он был назначен в 1823 году на смену Инзова полномочным наместником Бессарабского края и новороссийским генерал-губернатором.

Честолюбивый и властолюбивый, Воронцов любил принимать дань уважения и лести. Он, как и его отец, «...стремился демонстрировать такие же черты либерализма, но в пределах такой же блестящей государственной карьеры».⁵ Лица, хорошо знавшие Воронцова, отмечали, что он имел

¹ М. П. Щербинин. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858, стр. 3.

² Л. Гроссман. Пушкин. М., изд-во «Молодая гвардия», 1958, стр. 205.

³ «Воспоминания кн. Дондукова-Корсакова» — «Старина и новизна», СПб., 1902, книга пятая, стр. 124—125.

⁴ М. П. Щербинин. Цит. соч., стр. 6.

⁵ Л. Гроссман. Цит. соч., стр. 205.

много недостатков: был сух, злопамятен, деспотичен,¹ нена-
сытно тщеславен, мстителен, неразборчив в средствах для до-
стижения своей цели,² интриган, лжец, «нахально лице-
приятен, был дрянной человек».³

Перевод Пушкина из Кишинева в Одессу под начальство
Воронцова совершился при участии друзей поэта, которые,
считая графа либеральным, надеялись на улучшение жизни
ссылного. Вначале отношения между начальником и под-
чиненным не вызывали чьих-либо опасений, но вскоре поло-
жение изменилось.⁴

Враждебные отношения Воронцова и Пушкина скоро
перешли в борьбу. Граф встал на путь интриг, доносов,
оскорблений и добился перевода поэта из Одессы в Михай-
ловское; поэт имел единственное оружие — слово, наполнен-
ное сатирой.

Пушкинское понимание сатиры значительно углубилось
в этому времени. Поэт требовал, чтобы сатирик точно рас-
считывал силу своего удара, употребляя то «легкий хлыст»,
то «сатирическую палицу», имея представление об объекте
своего осмеяния и его роли в обществе (XIII, 34).

К пушкинским поэтическим словосочетаниям, характери-
зующим карающую силу сатиры, прибавилось еще одно:
«...Куда не достягает меч законов, туда достает меч сатиры»
(XIII, 43).

Поэт выражал свое желание поставить печать сатиры на
лица «бесстыдно-бледные», на «лбы широко-медные». Обли-
чаемое или осмеиваемое им лицо могло быть литературным
врагом гения, политическим противником друга декабристов,
защитником жестокости, чуждой гуманисту Пушкину.

Верный своему лицейскому наставнику Георгиевскому,
Пушкин отличал сатиру от пасквиля, оскорбительного, кле-
ветнического изображения человека, и смеялся над глупостью

¹ Воспоминания кн. Дондукова-Корсакова, стр. 127, 139.

² С. Г. Волконский. Записки. СПб., 1902, стр. 325.

³ «Записки сенатора К. И. Фишера». — «Исторический вестник», 1908,
№ 2, стр. 449.

⁴ Причины враждебных отношений Воронцова и Пушкина изложены
Н. Лернером и сводятся к следующему: Воронцов, англоман по воспита-
нию, взглядам, симпатиям и антипатиям, сухой и холодный, ненавистник
романтика Байрона и всего романтического направления, не мог ни по-
нять Пушкина, ни симпатизировать ему; вельможа видел в поэте малень-
кого чиновника, провинившегося перед государем, а этот «коллежский
секретарь», считая себя представителем шестисотлетнего дворянства, обла-
дая аристократической гордостью и авторским самолюбием, не мог ми-
риться с полуснисходительным отношением графа к нему, не хотел видеть
в своем начальнике мецената; у Пушкина возникло любовное увлечение
Е. К. Воронцовой, женой графа. См. Н. Лернер. Пушкин в Одессе.
А. С. Пушкин, под ред. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1908.

и трусостью цензора, который видел в сатире лишь пасквиль и поэтому накладывал на нее свой запрет (II, 268).

Пушкина по-прежнему занимала проблема поэтического искусства сатирика; поэт в своем «Послании Вяземскому» отметил отличительные черты его стиля, признавался, что выбирает Вяземского своим наставником в «насмешливой науке», что хочет постигнуть «тайну смеха» (II, 680).

Зрелость эстетической мысли Пушкина этого времени особенно ярко сказалась в его характеристике комедии Фонвизина «Недоросль» как «комедии народной». Поэт выразил свое убеждение в том, что сатира прогрессивного писателя является одним из средств выражения народности его творчества.

Если в лицейские годы Пушкин признавался в своем интересе к потаенной литературе, если, живя в Петербурге, он своими стихами приумножил богатство бесцензурной поэзии, то в период южной ссылки он уже дал высокие образцы и верную характеристику подпольной сатиры: указал круг запретных объектов осмеяния — закон, правительство, нравы, — назвал имена Баркова и Радищева — писателей, резко отличающихся друг от друга идейно и по манере письма, но близких между собой благодаря общности судеб их произведений, которых не коснулась губительная секира цензора. Пушкин отметил интерес читателей к запрещенным произведениям. И, что следует подчеркнуть как самое важное, поэт признал близость своих произведений к творчеству писателей, гонимых цензурой.

И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали (II, 269).

Пафос сатирика Пушкина особенно сильно зазвучал в стихах:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне ювеналов бич! (II, 458)

Не так важно знать, предваряло ли это стихотворение памфлеты на Воронцова или завершало их. Существенно для их понимания то, что они написаны в одном идейно-эмоциональном ключе с поэтической декларацией поэта-сатирика.

С этих завоеванных позиций Пушкин и направил огонь своей сатиры на Воронцова. И не напрасно в одном из своих писем Вяземский просил Пушкина быть «осторожным на язык и на перо» (XIII, 94), но поэт не принял этого совета.

В основу анализа сатир на Воронцова мы положим пуш-

кинские же эстетические и поэтические принципы и будем помнить, что эти произведения были написаны поэтом в течение 1823—1825 годов.

К «шутливо-свистящей» сатире относится стихотворение «Не знаю где, но не у нас» и «Воображаемый разговор с Александром I». Пушкинская шутка сквозит в начальном стихе произведения «Не знаю где, но не у нас»; в этом словосочетании скрыт веселый смех поэта, который, намереваясь дать рассказ о Воронцове, лукаво предлагал читателю поверить в то, во что не верил сам; шутка светится в нарицательном имени Мидас, которым назван граф и которое означает человека с ослиными ушами. Эта деталь портрета сатирического персонажа была широко распространена в массовой лицейской сатире, в бесцензурных стихах других авторов,¹ да и сам Пушкин в лицейские годы нарисовал образ царя Бендокира с ушами длинными, ослиными («Бова»).

Пушкин шутя «посвистывал» Воронцову, сочетая слово «Мидас» со словом «лорд», напомнил русскому вельможе о его любви к Англии, не позабыл посмеяться над его угодливостью и любовью к лести. Сатирический «перец» рассыпан в заключительных стихах; особенно много его в слове «тонкий»:

Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решили тонким... (III, 453)

Какой смысл вкладывал Пушкин в слово «тонкий», мы узнаем из разъяснения, которое поэт дал в прозаическом тексте, предпосланом стихотворению: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным» (III, 1053).

Черты этого стиля заметны и в «Воображаемом разговоре с Александром I». Разговор как жанр известен русской нелегальной сатире. Кн. Д. Горчаков написал разговор «Ты и я», в начале XIX века ходил по рукам «Разговор в царстве мертвых, носившийся в народе в 1801 г.»² Пушкину приписывают «Разговор Фотия с гр. Орловой» (II, 496).

«Воображаемый разговор с Александром I» создан в Михайловском. Поэт, сосланный в глухой угол, с трудом привыкал к новой жизни и в письме к Шварцу сетовал: «Вот

¹ См. Г. Гуковский и В. Орлов. Цит. соч., — «Литерат. наследство», № 9—10, М., 1933, стр. 88.

² Там же, стр. 55.

уже четыре месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет — ни саранчи, ни милордов Уоронцовых» (XIII, 129).

Чувствуя себя незаслуженно наказанным, Пушкин часто думал о своих отношениях к Воронцову. «Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым», — писал поэт А. И. Тургеневу (XIII, 102). Поэт ждал помощи от своих друзей, надеясь, что они объяснят царю все произошедшее в Одессе, что царь окажется справедливым, вызовет его к себе для объяснений и изменит его судьбу, но все осталось по-прежнему, и Пушкин, измученный ожиданием, пишет: «Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина».

В «Разговоре» искусно сочетается шутка со «свистом». Пушкин шутит, воображая себя царем, а к шутке примешивается горечь, потому что вместо реальной ожидаемой встречи с Александром I поэту пришлось писать лишь «воображаемый» разговор с самодержцем. Сатирик шутит, придавая беседе, которая должна бы быть строго официальной, серьезной, мягкость и теплоту употреблением таких обращений: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи», «Помилуйте, Александр Сергеевич», «Ах, ваше величество», Пушкин с едкой шуткой подчеркивает несвойственное себе отношение к царю: «Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством»; поэт лукаво умолчал о деспотизме Александра I, изобразив его добросердечным.

В диалоге обсуждались три острые темы: ода «Вольность», отношение Пушкина к Воронцову, атеизм. В «Разговоре» Александр I спросил у Пушкина: «Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» Поэт, отвечая царю, дал лестную характеристику Инзову, и Воронцов при таком ходе мыслей собеседника царя выступил как полная противоположность своему предшественнику.

По мнению Пушкина, Инзов — русский в душе, он не предпочитает первого английского «шелопая» всем известным и неизвестным своим соотечественникам, он не «воловичится», он доверчив, благороден, не боится насмешек, потому что выше их, вежлив и поэтому не может подвергнуться заслуженной колкости, не верит пасквилям, а Воронцов, стало быть, лишен патриотических чувств, он англоман, волокита, недоверчив, верит пасквилям, грубостью вызывает колкости, боится насмешек.

Признано, что «Разговор» — сатира не только на Ворон-

цова, но и на Александра I.¹ И действительно, шутка, пронизывающая это произведение, в его концовке превратилась в политический «свист»; беседа изменила свой стиль, и «Разговор» завершился такими словами: «Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь...» (XI, 24).

К «свистящей» сатире относятся и несколько эпиграмм Пушкина на Воронцова. Ценя в сатире «знание света», Пушкин в двух редакциях своих поэтических миниатюр «Полугерой, полу-невежда» и «Полу-милорд, полу-купец» дал резкую, но верную характеристику социального и морального облика графа Воронцова.

Считая подлинным героем войны 1812 года русский народ, поэт признал в графе лишь «полу-героя», а несколько позднее в письме к Жуковскому утверждал: «Но полу-милорд Воронцов даже не полу-герой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего» (XIII, 124). Пушкин имел в виду «Певца во стане русских воинов», в одной из строф которого Жуковский прославлял Воронцова.

Выражением «полу-милорд» Пушкин разил графа за его англomанию, а словосочетание «полу-купец» накладывало на образ вельможи новые социальные краски, не совсем желательные для него. Пушкин напоминает этим Воронцову о промышленно-торговом характере его деятельности на юге, о тесном общении графа с одесскими коммерсантами, а может быть, и об одном из его предков, вступившем на путь торговых сделок.²

Назвав Воронцова, одного из образованнейших людей того времени, «полу-невеждой», Пушкин, видимо, хотел подчеркнуть, что вельможа все же не мог принять творчества Байрона, поэта, признанного прогрессивной Европой, и не хотел видеть ценности литературного труда опального чиновника своей канцелярии.

Слово «подлец» было известно поэзии пушкинского времени как средство сатиры. Рылеев бил этим словом Аракчеева в своем памфлете «К временщику»; в агитационной

¹ С. Бонди. «Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I». — «Литературное наследство». Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Изд. АН СССР, М., 1959.

² Канцлер М. И. Воронцов для устройства своих материальных дел пустился в торговые операции и в 1759 году вместе с генерал-прокурором Глебовым выхлопотал себе привилегии на исключительный отпуск льняного семени из северных портов, а затем это право передал купцу Евреינוву. См. Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. — СПб., 1874, стр. 261.

песне «Близ Фонтанки-реки», написанной А. Бестужевым и Рылевым, имеется куплет:

Разве нет у нас свинца
На тирана-подлеца?
Слава!

Сам Пушкин, характеризуя высший свет, писал в 1819 году о «почетных подлецах» (II, 115) и в одном из своих писем к А. Бестужеву назвал подлецом Воронцова (XIII, 179).

Поэт очень хорошо знал, что одним «словцом» можно глупца «превратить в грязь» (II, 681), но в своем художественном произведении смягчил сатирический удар и вместо «подлец» дал лишь «полу-подлец», усилив звучание слова тем, что в первом варианте эпиграммы поставил его в конце стиха:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что будет полным наконец (II, 831).

В арсенале боевых средств сатиры, по Пушкину, рифме принадлежит почетное место (II, 444), однако карающая сила этой эпиграммы увеличена еще и тем, что поэт в одном из своих стихов как бы определил тенденции развития характера осмеиваемого лица.

Сатирик в пору создания эпиграмм на Воронцова очень активно пользовался сочетанием слова с приставкой «полу», так, например, он писал Вяземскому: «отвечай же на мое полу-слово» (XIII, 125), а брату признавался: «Я не прошу от правительства полу-милостей; это была бы полу-мера, и самая жалкая» (XIII, 121). Встречалось подобное сочетание и в других его художественных произведениях, например, в «Евгении Онегине»: «полу-смешных», «полу-печальных», «полу-кот», «полу-журавль», «полу-живой» и др.¹

К «свистящим» эпиграммам на Воронцова примыкает и пушкинское двустишие, в котором обнажено лицемерие графа, его холопство:

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скупен, сух и горд (II, 474).

¹ В эпиграмме на Фотия, авторство которой точно не установлено, широко привлекаются излюбленные пушкинские обороты: «полу-фанатик», «полу-плут», пастыри «полу-благие», «полу-святые». Не является ли это одним из доказательств, что автор ее Пушкин?

Пушкин любил снимать румяна с людей высшего круга. С этой эпиграммой сближается и другая сатирическая миниатюра, в которой и о князе Г. сказано

В сраженье трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак (II, 161).

Пушкин особенно долго искал слова для последнего стиха эпиграммы на Воронцова, создавая и отбрасывая такие сочетания: «но у себя горд», «но у себя несносно горд», «но у себя отменно горд» и, наконец, выбрал «Но дома скучен, сух и горд», сразу образуя три грани в характере вельможи, противопоставленные его наигранной вежливости.

В одном из стихотворений 1824 года, дошедшем до нашего времени с пропусками отдельных слов, имеется сочетание «с брюзгливой рожей», которое, как принято считать, также рисует Воронцова (II, 472).

Стиль «гремящей» сатиры ярко выражен в стихотворении Пушкина «Сказали раз царю». Как известно, в основу своего произведения поэт положил действительный случай. В октябре 1823 года, в Тульчине, где Александр I проводил смотр войска, ему сообщили об аресте в Мадриде вождя испанской революции Риго. Царь объявил эту новость своим генералам, все восприняли ее молча, и только Воронцов сказал: «Какое счастливое известие, государь!»

Для Пушкина, как и для декабристов, Риго был герой (вспомним стихотворение Рылеева «Гражданин»), и поэт с глубокой скорбью воспринял весть о его казни, с негодованием отнесся к его палачам и к тем, кто был обрадован трагической гибелью революционера.

Поэт сохранил в своей сатире драматическую ситуацию, взятую им из жизни, но с целью карающей силы произведения допустил некоторые отступления от подлинных событий: в первых стихах говорилось не об аресте Риго, а о казни его:

Сказали раз царю, что, наконец,
Мятежный вождь Риго был удушен (II, 378).¹

Пушкин, шлифуя этот стих, включал в него и абстрактное слово «казнен», и несколько утратившее свою остроту «повешен», и, отбросив их, выбрал особо выразительное — «удавлен». Оно было близко слову, облюбованному Рылеевым и Бесстужевым для агитационной сатирической песни:

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
давят.

¹ Испанский революционер Риго-и-Нуньес был казнен 7 ноября 1823 года.

В прокламации, обнаруженной в 1820 году во дворе Преображенских казарм, также говорилось, что Павла I «удавили». ¹

Черты стиля «грозной» сатиры нашли свое выражение в резком противопоставлении казненного революционера испанскому королю и русскому генералу, в отборе для обозначения их отношений контрастной, политически окрашенной лексики — «жертва», «палач».

Подлинные слова Воронцова, сказанные им царю: «Какое счастливое известие, государь», — были несколько изменены поэтом:

«Я очень рад, — сказал усердный льстец:—
От одного мерзавца мир избавлен».

В пушкинском варианте ответа графа Александру I ярче выражена позиция царедворца, которая в первоначальных редакциях сатиры отмечалась поэтом даже с большей резкостью: легкий приговор Воронцова «царя смутил», «царю смешно такое доброхотство», «да и царя такое доброхотство заставило улыбку подавить», «Усердное такое доброхотство могло царю под час не угодить» (II, 925, 926, 927).

Много творческих усилий было затрачено Пушкиным на то, чтобы найти для характеристики Воронцова слово, которое могло бы стать для него клеймом. Сочетание «усердный льстец» было найдено не сразу. В вариантах стиха имеется уже ранее облюбованное Пушкиным «полу-подлец», затем появляется «льстец».

Это слово и производные от него уже были знакомы русской сатирической поэзии тех лет: Рылеев («К временщику») и безымянный автор («Аракчееву») ² называли царского холопа льстецом. Вяземский обличал «низких льстецов» и «льстивых лежебоков» («Негодование»).

У Пушкина слово «льстец» в вариантах стиха обростало эпитетами «неловкий», «придворный», в окончательную редакцию поэт ввел сочетание «усердный льстец», а в письме к А. И. Тургеневу назвал Воронцова более резко, чем в художественном произведении, — «придворным хамом» (XIII, 103). Небезынтересно отметить, что образ Сеяна, переосмысленный Рылеевым в сатире «К временщику», для характеристики льстивого и хитрого Аракчеева, встречается и в письме Пушкина к Вяземскому в той же функции. Говоря об отноше-

¹ Прокламации 1820 года., Декабристы. «Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». М.—Л., Гослитиздат, 1951, стр. 470.

² Там же, стр. 280.

ниях Воронцова и Александра I, поэт назвал графа Сеяном, а царя — Тиверием (XIII, 98).¹

Очень долго поэт работал над концовкой стихотворения «Сказали раз царю», добиваясь афористичности стиха, глубины обобщения и усиления его эмоциональности. Варианты:

Льстецы, старайтесь сохранить
И в подлостях немного благородства

Или:

Придворный льстец, умей хранить
И в подлостях немного благородства (II, 926).

не удовлетворяли поэта.

Выражение «придворный льстец» было исключено им, видимо, потому, что, употребленное в единственном числе, оно давало возможность понимать изображаемое только как единичное явление, поэтому Пушкин изменил единственное число слова «льстец» на множественное «льстецы», отбросил все эпитеты, но зато облюбованное существительное дважды повторил, усилил интонационно; сочетание «немного благородства» заменил более выразительным «осанку благородства» и, наконец, написал стихи:

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Они стали крылатыми.²

Лишенная шуток и шутливого «свиста», сатира «Сказали раз царю» превратилась в грозную инвективу. Пушкин, состязаясь с Воронцовым, вооружился в этом бою ювеналовым мечом и дал своим читателям образец политической сатиры, близкой по своему пафосу, по общему эмоциональному строю сатирам своих современников — Рылеева и Вяземского.

Эпиграмма Пушкина «Певец Давид был ростом мал» по своим образам и сюжету примыкает к высокой «грозной» сатире, а по жанровому своеобразию тяготеет к шутке.

Сатирическое четверостишие создано на основе библейского сюжета. Образ Давида, поэта, борца, пророка, играл немалую роль в декабристской поэзии. Им пленились Грибоедов и Кюхельбекер, к этому образу обратился и Пушкин, воспроизводя в своей эпиграмме один из эпизодов библейского сказания. По библии, юный музыкант Давид ради спасения своего народа вступил в единоборство с великаном

¹ Сеян — префект преторианской гвардии, игравший большую роль в правление Тиверия. Впоследствии Сеян с помощью лести добился высокого положения, все раболепствовали перед Сеяном, а он, уничтожая не угодных себе людей, прокладывая путь к власти.

² Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1960, стр. 336

Голиафом, прекрасно вооруженным, высокомерным и самоуверенным, и победил его. Давид в этом сказании поднят на высоту народного героя.

Пушкин переосмыслил библейские образы. Голиаф был сближен с Воронцовым, а Давид соотносился с личностью самого поэта. Высказано предположение, что эпиграмма Пушкина «Певец Давид был ростом мал» выражает мнение поэта о его борьбе с Воронцовым.¹ И это действительно так. Проблема отношений поэта и знати, особенно сильно волновавшая Пушкина в более поздние годы его жизни, в этой эпigramме разрешалась торжеством поэта и посрамлением вельможи.

Трудно сказать, придавал ли сам Пушкин этим стихам ту глубину, которую в них можно усматривать, и собирался ли он, согласно библии, трактовать образ поэта как народного героя, но такое осмысление произведения допустимо: идейная емкость образа — одна из особенностей пушкинской сатиры. Нельзя не вспоминать при этом «Историю села Горюхина», которая воспринимается как история всей самодержавно-крепостнической России.

Борьба вельможи и поэта закончилась не только тем, что «за дурное поведение» повелением Александра I Пушкин был исключен из числа чиновников министерства иностранных дел и отправлен в Михайловское под надзор местной власти, но и тем, что на «постыдно-бледном» лице Воронцова навеки осталась неизгладимая печать пушкинской сатиры.

Сатиры Пушкина на Воронцова распространялись, минуя печать, по рукам, расходились в Одессе и за ее пределами. По воспоминаниям современников, «...сарказмы Пушкина туманили его (Воронцова. — Е. А.) репутацию...»²

Как отзвук пушкинских произведений, находим мы в письмах его друзей к нему те же слова и образы, которыми Пушкин разил графа. Н. С. Алексеев называл его «лордом Мидасом» (XIV, 145), «полу-милордом» (XIII, 300), а Рылеев писал: «...Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для поэта Пушкина ничему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца» (XIII, 241).

Итак, мы видим, что тема «Воронцова» развивалась Пушкиным одновременно в письмах и в художественных произведениях, часто сближаясь по своим мотивам. Воронцов в письмах Пушкина выступает прежде всего в личных отношениях к нему, и поэт выбирает достаточно резкие слова для характеристики графа.

¹ См. Л. Гроссман. Цит. соч., стр. 217.

² «Записки сенатора К. И. Фишера». — «Исторический вестник», 1908, № 2, стр. 449.

Эстетическая основа сатир на Воронцова не противоречит той теории, которую Пушкин усвоил в лицее на лекциях Георгиевского; поэт дал не пасквиль, а, коснувшись «лица», поднял его до высот художественного обобщения. Только в «Разговоре» Воронцов и Пушкин названы собственными именами, в художественном тексте остальных сатир нет имен ни графа, ни ссыльного поэта.

Воронцов в сатирах Пушкина выступает в широких связях с миром. Читатель узнает, как «милорд» относился к революционерам, к царю, к иностранцам, к поэту, как добивался чинов, как вел себя в передней знатных и у себя дома. Сатира Пушкина на Воронцова — политическая сатира.

Образ графа Воронцова воплотил в себе черты некоторых людей, близких к правящим кругам России накануне событий 14 декабря 1825 года. Обрадованный казнью Риго, он словно обнаружил готовность казнить и русских революционеров, декабристов; галломан-вельможа не захотел признать в чиновнике своей канцелярии гениального русского поэта и оказался первым из людей аристократического круга, вступившим на путь интриг, доносов, которые в конце концов привели Пушкина к трагической смерти.

Воронцов в изображении поэта напоминает нам одного из круга придворных, о которых несколько позднее с негодованием сказал Лермонтов:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи.

Пушкинские памфлеты на Воронцова близки по своей эстетической сущности к политическим эпиграммам поэта на Александра I, на Аракчеева и, таким образом, входят в круг потаенных произведений, авторы которых не захотели признать законы цензуры.

Эта близость обнаруживается не только в способах распространения произведений, но и в принципах создания сатирического образа, в некоторых критериях отбора лексики для сатирической портретной живописи, однако пушкинское индивидуальное проявилось прежде всего в глубине обобщения образа, в отсутствии гротеска, нарочитой сниженности языка. Поэт и здесь остался верен принципу «чистоты» слога.

Резкость суждений о Воронцове, известных по письмам Пушкина, сохранена им и в художественных произведениях, но достигалась она многими средствами искусства: удачно созданной ситуацией, употреблением слов в прямом и переносном значении, новыми словообразованиями, контрастной лексикой, умелым расположением слова в стихе, афористичностью, различными оттенками смеха. Работа Пушкина над

словом в сатире показывает, с каким упорством овладевал поэт искусством «смешить».

Стихи и проза Пушкина с упоминанием имени Воронцова написаны в Одессе, когда назревал между ними конфликт, и в Михайловском, когда изгнанник подводил итоги своей борьбы с графом; но время шло, и личность Воронцова стала меньше и меньше волновать поэта.

Революционные события в России 1825 года, отъезд Пушкина из Михайловского, новые творческие планы поэта, появление на его пути лиц не менее влиятельных и коварных, чем Воронцов, — все эти события и люди заслоняли собой образ вельможи; он стал для Пушкина только прошлым.

В этот новый период жизни Пушкина имя Воронцова очень редко упоминается им; в дневниковых записях 1834 года оно еще окрашено в обличительные тона, но эти краски на Воронцова накладывал уже не Пушкин, он передавал слова Болховского. Мы читаем: «Б/олховской/ сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского /героя/. Он /т. е. Б./олховский/ очень зло отзывается об одесской жизни, о гр. Вор/онцове/, о его соблазнительной связи с О. Н./арышкиной/ etc, etc». (XII, 324—325).

Образ Воронцова живет в поэзии Пушкина до конца 1820-х годов, но приобретает новое, более спокойное звучание. В черновых вариантах «Путешествия Евгения Онегина» образ графа дается без сатирического «свиста», только как одна из примет одесской жизни:

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов тригорских (VI, 505).

В пушкинских стихах этих лет нарисована и та Одесса, в которой уже не будет «милорда»:

И шумные фонтаны хлынут,
Ручьи в оградах потекут,
И вместо графа Воронцова
Там будет свежая вода.
Тогда поедem мы туда (VI, 468).

Так, постепенно меняя свою прежнюю тональность, образ графа Воронцова навсегда исчез из произведений Пушкина, но у поэта остался опыт бить врага сатирическим словом, и в истории русской сатиры появилась еще одна новая и яркая страница.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 245

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Статьи и исследования)

ЛЕНИНГРАД

1963